

МЕСТО В ЛОДКЕ

Р О М А Н

ВЛАДИСЛАВ ЛОГАЧЕВ

Владислав Логачев

Место в лодке

<https://litres.ru/74687707>

SelfPub; 2026

Аннотация

В доме, который Натан Рид приехал готовить к сносу, варят яйца. По документам здесь давно никто не живёт. На кухне сидит пожилая хозяйка, наверху собирается на смену мать с дочерью, а река поднимается четвёртый день.

Чтобы люди успели уехать, Натану приходится искать ошибку в данных, которые когда-то согласовал он сам. Ему помогают Лена Ортис, сотрудница программы переселения, и его взрослая дочь Майя. У каждой есть причины ему не доверять.

Шестнадцать лет назад Натан уже выбирался из этого квартала на лодке. Его семья помнит ту историю как спасение. Семья Лены — как потеря. Теперь старые бумаги заставляют заново спросить, что произошло у воды и кто получил право рассказать об этом за остальных.

«Место в лодке» — роман о семье, вине и помощи, которая начинается с чужого имени. О людях, которым после последней спасательной машины ещё нужно где-то жить, работать и растить детей.

Содержание

1. Свет в пустом доме	5
2. Неподходящий адрес	12
3. Обед в одиннадцать	18
4. Получено не значит уехала	25
5. Лишняя машина	31
6. Ключ с красной ниткой	37
7. Последний сухой поворот	44
8. Вторая страница	51
9. Ночная смена	58
10. У Энн	66
11. Фотография для проекта	74
12. Подъёмник	84
13. Что меняется за час	93
Конец ознакомительного фрагмента.	94

Владислав Логачев

Место в лодке

Место в лодке

Владислав Логачев

Роман

2026

Художественное произведение. Город, река, герои, события и конкретные процедуры вымышлены.

Текст и обложка подготовлены с использованием ChatGPT (OpenAI).

1. Свет в пустом доме

В доме, который Натан Рид приехал готовить к сносу, варили яйца.

Он услышал, как крышка стукнула о край кастрюли, ещё прежде, чем увидел женщину. Над дверью висел козырёк из мутного пластика. Вода набегала на него с дырявого желоба и срывалась в подставленное ведро. Рядом стоял второй стул, такой же, как под женщиной, только без сиденья. На нём сохли вымытые банки.

Натан проверил номер на почтовом ящике. Потом — на планшете.

— Восемнадцать, Ривер-стрит?

— Пока да.

Женщина придерживала дверь коленом. Из-под серой кофты выглядывал фартук, а на груди, чуть ниже воротника, оставался след муки. Одну руку она держала в кармане. Натан успел подумать про оружие, прежде чем она достала эту руку: два пальца были согнуты и не разгибались.

— Я по поводу обследования здания.

— Мы здесь с восьми. Если вам нужно, чтобы я сейчас оделась, вы рано.

На часах было семь девятнадцать. Он действительно приехал раньше. Собирался закончить к девяти, заскочить в мастерскую за дрелью и успеть на северный объект. Там задер-

живали оплату; в пятницу бухгалтер уходила в отпуск, и пропустить её означало снова занять у собственной кредитной карты.

— Простите. Мне сказали, дом пустует.

Женщина посмотрела через плечо, будто хотела проверить, не исчезла ли за время разговора кухня.

— Джун Прайс, — сказала она. — Сорок один год.

Он не понял.

— Живу здесь сорок один год. Лет мне больше.

Натан убрал планшет под куртку. Дождь шёл четвёртый день. В Беллвезере к этому времени обычно начинали спрашивать друг друга про подвалы, но ещё продолжали шутить. Он сам вчера послал в общий чат фотографию соседа, который сушил коврик для ванной на крыше машины. Подпись получилась удачной. На неё ответили шестью смеющимися лицами.

— Может быть, вы арендуете комнату?

— Может быть. Только аренду я плачу за весь дом.

Из-за её спины вышла девочка в мужских шерстяных носках. Носки были натянуты до колен; на левом носке пятка торчала спереди. Девочка протиснулась к крыльцу, присела возле ведра и вытащила из воды обломок деревянной прищепки.

— Она опять тонет, — сообщила она.

— Беа, яйца.

Девочка унесла прищепку в дом. С лестницы донёсся жен-

ский голос:

— Я сейчас. Мне только волосы.

Натан посмотрел на окно второго этажа. На стекле держался бумажный заяц, вырезанный так, что одна нога оказалась короче другой. Когда он поднимался на крыльцо, зайца не заметил. Зато заметил трещину над оконной перемычкой, заплатку на кровле и искривлённую водосточную трубу. В отчёте уже стояли три фотографии.

— Сколько вас здесь?

— Сегодня трое. Если вы считаете собаку, четверо. Но собаку на завтрак не ждали.

Он не улыбнулся. В задании значилось: «Объект освобождён. Коммуникации отключены. Доступ со двора». Работу заказывала частная компания, выигравшая контракт на расчистку квартала. Натан не занимался переселением. От него требовалось определить, можно ли подогнать технику с южной стороны, не задев соседнюю стену.

— Мне нужно сделать звонок.

— Делайте в коридоре. На улице у вас бумажки промокнул.

Она открыла дверь шире.

В коридоре пахло варёной капустой, мылом и мокрой собачьей шерстью. На полке лежали три ключа, конверт с надписью «Газ» и маленькая отвёртка с зелёной ручкой. Под лестницей стояла собачья миска, прикрытая перевернутым тазом. Натан поставил ботинки на старую газету. Хозяйка

заметила это и кивнула, словно только теперь окончательно разрешила ему войти.

По кухонной стене шла неровная синяя черта. Восемь дюймов над плинтусом. Он знал, зачем такие черты оставляли: память о воде, которую после ремонта вдруг хотелось считать преувеличением. Но эта линия казалась слишком низкой для большого наводнения шестнадцатилетней давности.

— Это восемнадцатый год, — сказала Джун, проследив за его взглядом. — В десятом было выше. Перекрашивали.

Натан достал телефон.

— Мартин, привет. По восемнадцатому ошибка. Здесь люди.

В трубке что-то щёлкнуло. Мартин всегда разговаривал в машине, положив телефон слишком близко к поворотнику.

— Посторонние?

— Жилыцы.

— Рид, я тебе сейчас карту открою.

Пока тот искал карту, сверху спустилась женщина в форме прачечной. Ей было около тридцати. Волосы на затылке ещё оставались мокрыми, а пряжку ремня она застёгивала на ходу. Увидев Натана, остановилась на предпоследней ступеньке.

— Газ?

— Не газ, — сказала Джун.

Женщина всё равно посмотрела на конверт на полке.

— Я Грейс. Если это насчёт денег, я переведу в понедельник. Мне смену не закрыли.

— Он дом сносить приехал.

Натан убрал телефон от уха.

— Я не приехал сносить дом.

Грейс посмотрела на его жёлтую жилетку, на лазерный дальномер, зацепленный за карман, на грязные ботинки. Потом позвала дочь. В голосе её ничего не изменилось, и от этого Натан почувствовал себя хуже.

— Беа, надень свои носки. Нам пора.

Мартин наконец вернулся.

— У меня по нему закрыто переселение. Стоит июнь, позапрошлый год. Ты точно восемнадцатый смотришь?

Натан повернул к себе ключи на полке. На фанерном брейлоке было выжжено «18».

— Точно.

— Тогда сними показания счётчика и пришли. И жильцов не фотографируй. Я созвонюсь с заказчиком.

— По остальным адресам кто-то проверял?

— Там документы от округа. Рид, это не наша часть.

Разговор закончился. На экране осталась фотография дочери: Майя сидела на камне у озера, заслонив объектив ладонью. Он выбрал этот снимок потому, что на остальных она позировала. Майя говорила, что здесь он просто успел нажать раньше, чем она сказала «не надо».

Она не отвечала на его последнее сообщение одиннадцать

дней. Сообщение состояло из ссылки на зимние шины и восторженного знака.

Джун выключила конфорку. Натан заметил, что дверца духовки перетянута верёвкой, а под переднюю ножку стола подложен сложенный счёт. В пустых домах обычно не приходилось заботиться о таких мелочах.

— Здесь электричество и вода не отключены, — сказал он.

— Я заметила.

— Мне нужно знать, остальные дома на улице тоже заняты?

Она медленно поставила кастрюлю в раковину.

— Не во всех. В двадцать четвёртом крыша обвалилась. В тридцатом мыши. В четырнадцатом Амос ночует только когда холодно. Смотря что вам писать.

— То, что есть.

Джун подняла на него глаза.

— Тогда долго будете.

Грейс уже стояла у двери. Беа не хотела переобуваться: её собственные кроссовки промокли, и она прятала ноги под край куртки. Натан смотрел, как мать суёт в пакет запасную пару носков, завязывает ручки и передаёт дочери. Они собирались на школьный автобус. В четверг. Который в его расписании пока ещё состоял из двух оплачиваемых осмотров и одной неоплаченной поездки за дрелью.

Он вернулся к машине, открыл багажник и вытащил сухой

зонт. Подарил его не девочке, а Грейс: девочка уже тянулась за ним, но мать перехватила ручку.

— Я верну.

— Не нужно.

— Я сказала, верну.

Он кивнул.

На тротуаре возле соседнего дома лежала расколотая раковина. Из почтового ящика торчал рекламный листок про бесплатный вывоз старых холодильников. Дальше, у дома двадцать два, кто-то открыл окно. Натан услышал кашель, потом — как на подоконник поставили кружку.

Он открыл рабочую карту. Весь квартал вдоль реки был покрашен бледно-серым. При нажатии появлялась короткая подпись: «Постоянное проживание прекращено».

Натан снова нажал на восемнадцатый дом. Дата закрытия не изменилась.

В половине восьмого по тротуару прошёл почтальон и опустил Джун два письма.

2. Неподходящий адрес

Лена Ортис знала, что сын опять прогуливает первый урок, ещё до того, как увидела его ботинки под столом.

В её комнате пахло подогретым рыбным пирогом. Кто-то из соседей по этажу решил позавтракать до прихода начальства и забыл открыть окно. Копировальная машина в коридоре уже гудела. Над ней висела инструкция, где отдельным жирным предложением просили не толкать лоток ногой.

Эли сидел на её стуле и заряжал телефон от служебного компьютера.

— Автобус уехал, — сказал он.

— А ты, я вижу, нет.

— Я заходил за тетрадью. Она у тебя в машине.

Лена поставила сумку, достала ключ и протянула ему.

Он не взял.

— Можно ты сама? У тебя сигнализация опять срабатывает.

Накануне она пообещала купить новые батарейки в брелок. До этого обещала во вторник. Теперь открыла ящик стола, вытащила запасной ключ без брелока и отдала сыну.

— На занятия, Эли. Не к отцу в мастерскую.

— У него там хотя бы сухо.

Лена посмотрела на пятно у его плеча. Куртка промокла по шву. Он дёрнул её так, чтобы пятно оказалось под ремнём

рюкзак.

— Вечером просушим.

— Знаю.

Он знал. В их доме приходилось сушить куртки над вентилятором, потому что хозяин запрещал жильцам крепить что-либо к батареям. У Эли было две куртки, но вторая осталась у отца. Сын утверждал, что она ему мала. Лена подозревала другое: на второй всё ещё был логотип баскетбольной команды, в которую его не взяли.

Она протянула ему десять долларов на обед.

— У меня есть.

— Тогда оставь на завтра.

Он взял деньги и ушёл.

Лена включила компьютер. Система попросила сменить пароль. Пока она придумывала новый, зазвонил телефон. В углу экрана появилась табличка с числом обращений, которые нужно закрыть до конца месяца. Вчера их было семьдесят восемь. Сегодня — восемьдесят три.

Лена работала в окружном центре переселения не с начала программы. Её взяли на десять месяцев, потом ещё на шесть. В третий раз срок продлили до ноября. На табличке возле входа оставалось название, которое ей всегда казалось слишком обещающим: «Служба возвращения к нормальной жизни».

Нормальную жизнь измеряли по завершённым делам. Она сама закрывала их быстрее других. В некоторые дни это по-

могало спать.

— Центр переселения, Ортис.

— Доброе утро. Мне дали ваш номер в окружном управлении. Натан Рид. Я обследую дома на Ривер-стрит. У меня по одному адресу не совпадают сведения.

Она записала номер дома. Потом имя звонившего, хотя уже знала его. В Беллвезере было достаточно Ридов, но только одного Натана Рида шестнадцать лет назад печатали на первой полосе рядом с лодкой.

— Что именно не совпадает?

— Дом закрыт, а там живут люди.

— Закрыто дело или прекращено проживание?

Пауза.

— По-моему, и то и другое.

Лена открыла карточку. Дом принадлежал прежней швейной фабрике, позднее — компании, название которой сменилось дважды. В истории стояли выплата, акт передачи, подтверждение освобождения. Последнее подтверждение было приложено отдельным сканом.

— Вы сейчас на месте?

— Ещё да.

— Как зовут жильца?

— Джун Прайс.

Это имя Лена помнила. Женщина приходила с жёлтой папкой. Год или полтора назад. В папке всё было прошито тонким зелёным шнуром: договоры, квитанции и письмо от

человека, который к тому времени уже умер. Джун всё равно носила его с собой, потому что в нём ей обещали помочь.

Лена тогда отправила запрос на пересмотр. Потом ушла в отпуск на четыре дня, чтобы перевезти мать из больницы домой. Когда вернулась, карточка уже была в другом разделе. Она поставила себе напоминание. Оно срабатывало несколько раз.

— Мисс Ортис?

— Я слушаю.

— В соседних домах тоже люди. Я не знаю сколько.

Она открыла общий список по улице. В правой колонке тянулись зелёные квадраты. Все дела завершены. Ни одного просроченного.

Под зарядкой лежал рисунок, который Эли принёс утром. На листе была женщина за столом, похожим на её стол, и огромное окно. За окном росли деревья. В верхнем углу стояла оценка за задание.

Лена перевернула рисунок чистой стороной и начала записывать.

— Давайте по одному. Кто ещё у вас там?

— Я не могу сейчас обойти всю улицу. У меня другой объект.

— Тогда оставьте свой номер. И не заходите в аварийные здания.

— Я инженер.

— Тем более.

Он назвал номер. Она повторила его вслух, ошиблась в одной цифре, исправила.

Когда разговор закончился, Лена нашла своё прежнее напоминание. Оказалось, ему было восемнадцать месяцев.

Она не стала его удалять. Переслала карточку начальнику, Роберту Финчу, с пометкой «Жилец остаётся по закрытому адресу. Требуется проверка». Затем позвонила в жилищный отдел. Там включилась запись. Она дождалась возможности оставить сообщение.

В девять двадцать Финч появился в дверях. Пиджак он нёс на пальце, как вещь, которую вынужден взять для человека с другими вкусами.

— Ортис, по Ривер-стрит не открывайте новое дело поверх старого.

— Там семья.

— Я прочитал. Сначала надо выяснить, кто имеет право на выплату.

— Мне позвонил не человек за выплатой. Мне позвонили из дома, который по нашей карте пуст.

Финч заглянул ей в экран.

— У нас не карта. У нас учёт закрытия программы.

— Его выгружают на карту.

— Какие поля от нас берут, я не знаю.

Он говорил без раздражения. Это делало спор труднее. Финч не был человеком, которому нравилось лишать людей чего-либо. Когда заболела её мать, он разрешил Лене рабо-

тать из дома и не стал вычитать пропущенные часы. В прошлом декабре сам оплатил рождественский обед отдела, потому что деньги округа на такие расходы закончились.

— Поднимите основание, — сказал он. — Если там ошибка, оформим исправление. Только сначала основание.

Лена открыла вложение.

Из-за дешёвого сканера края бланка потемнели. В середине страницы стояло четыре тысячи двести долларов. Внизу — подпись Джун Прайс. Лена увеличила изображение.

Над подписью была строка: «Подтверждаю получение средств временного размещения».

Она подняла взгляд на статус карточки: «Переселение завершено».

— Роберт.

Он уже вышел в коридор.

В дверь заглянула сотрудница из бухгалтерии: попросила никому не отдавать последний тонер. Лена кивнула и снова позвала начальника, на этот раз громче.

3. Обед в одиннадцать

Майя не обрадовалась, когда он пришёл в прачечную.

Она стояла спиной к двери и держала над головой мокрый плед. Девушка по другую сторону стола пыталась сложить его пополам. Углы не сходились, и Майя смеялась. Натан успел услышать этот смех целиком. Потом звякнул колокольчик над дверью, дочь обернулась, и он понял, как давно не приходил туда, где у неё была жизнь без него.

— Привет, пап.

— Привет.

Девушка взяла у неё плед. Майя вытерла руки о джинсы. На правом колене белела полоса краски; её Натан тоже сразу заметил.

— Машина нормально?

— Приехала.

— У тебя задняя правая шина...

Он замолчал. Майя не стала помогать ему закончить.

В прачечной было тепло. В сушилках крутились детское одеяло, тёмные полотенца и что-то красное с одним длинным рукавом. На пластиковых стульях сидели двое мужчин. Один спал, уронив подбородок на грудь, другой держал прозрачный пакет с лекарствами. На столике вместо журналов лежали бланки, ручки и телефонные зарядки. К стене приклеили бумагу: «НУЖНА ПОМОЩЬ С ПЕРЕЕЗ-

ДОМ — ОСТАВЬТЕ НОМЕР. НЕТ НОМЕРА — СКАЖИТЕ МАЙЕ».

— Я не знал, что ты здесь работаешь.

— Не работаю. Помогаю по утрам. После обеда у меня редакция.

Натан кивнул. О том, что дочь устроилась в маленькую местную газету, он знал от Энн. Не хотел признаваться, что сначала нашёл сайт газеты, потом — раздел вакансий, а потом подсчитал, сколько примерно платят человеку без стажа. Энн велела оставить расчёты при себе.

— Мне сказали, ты занимаешься этими домами.

— Кто сказал?

— Джун Прайс. Я был у неё утром.

Майя опустила руки.

— Зачем?

— Осмотр перед расчисткой.

Она посмотрела на его куртку. На нагрудном кармане оставалась пластиковая карточка подрядчика. Натан снял её, хотя понимал, что поздно.

— Дом никто сейчас трогать не будет. Я написал, что объект занят.

— Спасибо.

Слово прозвучало вежливо. В детстве дочь говорила таким голосом, когда ей приносили не тот сок и она всё-таки старалась быть воспитанной. От этого воспоминания ему стало стыдно: Майя давно выросла, а он продолжал искать

инструкцию к ней среди привычек семилетнего ребёнка.

— Я звонил в переселение. Там разбираются.

— Мы тоже звонили.

Майя подвинула ему стул и села напротив. За их спинами загудела сушилка. Спящий мужчина проснулся, посмотрел на часы и опять закрыл глаза.

— Есть список? — спросил Натан.

— Есть люди. Список мы делаем.

Он хотел сказать, что спросил ровно об этом, но дочь уже достала тетрадь. В ней были адреса, имена, телефоны соседей. Возле одних стояли галочки, возле других — вопросы. Одна строка была обведена дважды.

— Тут про деньги, — сказала она. — Тут кто может кого подвезти. Тут кому нужна машина с подъёмником. А на этой странице люди, к которым мы ещё не попали.

Натан перелистнул назад. Майя положила ладонь на тетрадь.

— Пап, сначала скажи, зачем она тебе.

Он почувствовал раздражение, слишком знакомое, чтобы списать на недосып. Он же приехал помочь. Не проверять её траты, не спорить с редактором, не спрашивать про молодого человека, который однажды открыл ему дверь её квартиры без рубашки.

— Потому что на карте здесь никого нет.

— Мы знаем.

Сотрудница прачечной поставила между ними бумажный

пакет.

— Май, я тебе подогрела. Там два, можешь папе дать.

Это были сэндвичи, завернутые в салфетку. Натан вдруг понял, что голоден. Утром он выпил кофе в машине и съел мятную конфету, которая лежала возле коробки передач.

Майя разломилла один сэндвич, увидела горчицу и поменяла его на второй.

— Я теперь ем с горчицей, — сказал он.

— Я помню, ты не любишь.

— Раньше не любил.

Она протянула ему половину. Они начали есть. Хлеб промок от тёплой начинки, и ему пришлось держать ладонь под подбородком.

За окном на погрузочной площадке стоял фургон. Грейс в такой же синей форме, что утром, помогала водителю укладывать на тележку мешки белья. Натан поднял руку. Она сделала вид, что не заметила, или действительно не заметила. Его зонт был прислонён возле кассы, раскрытый, чтобы просохнуть.

— Почему они не переезжают? — спросил он.

— Кто именно?

— Ну, Джун. Остальные.

— Джун получила деньги на временный номер. Две недели жила в мотеле. Потом хозяин дома сказал, что может вернуться, пока не придёт окончательное решение. Окончательное решение пришло хозяину. Джун его не видела.

— А деньги за выкуп?

— Джун не собственница.

Натан перестал жевать.

— А Грейс?

— Снимает у Джун. Её не было в первом обследовании.

Тогда она жила на другой улице. Там тоже уже закрытый адрес. Она не может просто найти жильё рядом с работой и школой за те же деньги.

— Можно было обратиться...

Майя подвинула к нему тетрадь открытой страницей. Там было четырнадцать дат и фамилии людей, с которыми кто-то разговаривал.

Натан не договорил. На странице он узнал одну фамилию. С этим человеком он много лет назад ездил на рыбалку и до сих пор поздравлял его с Рождеством.

— Я не говорю, что никто не помогает, — сказала Майя.

— Говорю, что дом пока нужен.

Телефоны пискнули почти одновременно. У мужчины с лекарствами сигнал оказался особенно громким. Он вздрогнул и начал шарить по карманам.

Уведомление касалось реки. Ожидались подъём воды и ухудшение условий. Натан открыл прогноз, прочёл его до конца, затем — ещё раз начало. До этого дождь существовал для него в основном в прогнозе заказчиков: перенести осмотр, закрыть плёнкой, высушить контакты.

Майя продолжала есть.

— У тебя есть куда поехать? — спросил он.

Она посмотрела на него поверх сэндвича.

— Я живу на холме.

Он знал. Бывал у неё один раз. Дом без лифта, наружная лестница, перила шевелятся. Ему тогда не понравились перила, а дочери — то, что весь вечер они говорили о перилах.

— Я имею в виду сегодня. Если будет хуже.

— Есть.

Он потянулся за тетрадью, но на этот раз остановил руку, не дотронувшись.

— Можно сфотографировать нужные страницы? Я хочу передать сведения в управление по чрезвычайным ситуациям. Только для организации выезда. Без газеты, без подрядчика.

— Передать имена и телефоны можно, если человек согласился. Я не у всех спросила. Адреса и количество — сейчас.

Она перевернула страницу. Достала чистый лист, стала переписывать. Он не предлагал сделать это быстрее, хотя почерк у него был аккуратнее.

Когда Натан вышел из прачечной, зонт остался у кассы. Он дошёл до машины без него. На парковке заполнил короткую форму обратной связи окружного управления: адрес, контакт, количество нуждающихся в транспорте. В разделе, где просили выбрать улицу из выпадающего списка, Ривер-стрит не оказалось.

Натан вписал всё в поле для примечаний и отправил. Потом сделал снимок экрана с номером обращения.

Майя постучала в боковое стекло.

Он опустил его.

— Пап, ты не спросил, почему я тебе не отвечала.

Он держал телефон обеими руками.

— Я решил, ты занята.

Она кивнула, но не согласилась.

— Я действительно занята. Только не поэтому.

Майя вернулась в прачечную. Натан завёл двигатель, потом заглушил. До северного объекта оставалось сорок минут езды. Он написал, что сегодня не приедет, и почти сразу получил ответ: «Тогда на следующей неделе. Оплату без подписи не проведём».

4. Получено не значит уехала

Лена нашла Джун Прайс в старой телефонной книге матери.

Сначала она проверила номер в карточке. Там не отвечали. Номер из заявления давно отключили. Потом вспомнила, что мать отдавала Джун какие-то вещи для школьной столовой, ещё когда сама могла носить тяжёлые сумки.

Книга лежала в нижнем ящике, под запасными колготками. Лена не планировала хранить её на работе. Просто принесла вместе с коробкой бумаг после похорон и с тех пор не смогла решить, куда коробку деть.

Между буквами «П» и «Р» была вложена открытка с фотографией озера. На обороте мать своим крупным почерком записала расписание приёма. Лена перевернула открытку изображением вниз и набрала найденный номер.

Джун ответила на третьем гудке.

— Вы не та, что вчера звонила насчёт страховки?

— Нет. Лена Ортис, окружной центр переселения.

— Я вас помню. У вас была жёлтая кофта.

Кофта была горчичной. На локте ткань начала блестеть. Лена носила её до сих пор, когда знала, что придётся долго сидеть в кабинете: рукава были удобной длины, не цеплялись за лоток принтера.

— Я хотела уточнить вашу выплату. Четыре тысячи две-

сти, в июне позапрошлого года.

— Да. Я за них отчиталась.

— Я вижу. Это были деньги на временное размещение?

— Да.

— Вы подписывали отдельный акт о том, что окончательно покидаете дом?

Джун ответила не сразу. Где-то рядом звякнула посуда.

— Я вам все подписи принесла. В папке.

— Да. Я спрашиваю, помните ли вы ещё один документ.

— Я помню, как у меня просили поставить подпись, чтобы успели оплатить мотель до выходных. И помню, как через две недели мне там сказали, что номер больше не продлён. Я вам это тоже рассказывала.

Лена провела пальцем по полю на скане. Бумажная копия лежала в архиве где-то внизу. Отпечаток подписи на экране состоял из серых ступенек.

— Рассказывали.

— А вы что-нибудь записали?

Лена посмотрела на рисунок сына, который использовала для заметок.

— Да, миссис Прайс. Записала.

Джун продиктовала ей адрес мотеля, имя администратора и даты. Две даты пришлось сверить с календарём, который у неё сохранился. Она не звучала торжествующей. В какой-то момент сказала: «Подождите, я сяду».

Закончив разговор, Лена открыла журнал изменений.

Сначала в карточку внесли платёж. Через день появился статус завершения. Не от сотрудника, который принимал подпись. Автоматически, при ночной обработке данных.

В инструкции к старому переносу базы нашлось правило: по этому виду выплаты финансовое закрытие переносилось в общее поле завершённости. По состоянию на тот месяц программа предназначалась для расчёта остатков обязательств. В поздней версии поле стало называться иначе.

Лена распечатала обе инструкции.

Два листа выглядели совершенно безобидно. На одном в правом углу была подпись начальника финансового отдела. На втором — согласование технического консультанта. Она снова прочла фамилию, потом набрала номер, записанный утром.

— Мистер Рид? Вы ещё в городе?

Он пришёл через сорок минут, мокрый, с пустым пластиковым стаканом из-под кофе. Лена предложила выбросить стакан. Он сказал, что сначала сполоснёт: у них на верхнем объекте была привычка пить из одного стакана до конца дня.

Она показала, где раковина.

Пока он мыл стакан, Лена закрыла на компьютере снимок сына. Потом снова открыла: прятать его было незачем. Эли на фотографии исполнилось девять; он держал рыбу и не мог решить, радуется ей или боится.

Рид вернулся.

Она подвинула к нему распечатки.

— Вот что я пока могу подтвердить. Выплата на временный переезд попала в поле окончательного завершения. Дальше этот статус стали использовать при передаче сведений об адресах.

— По одному дому?

— По этому механизму — возможно, по нескольким. Я ещё проверяю. Не все закрытые дома заняты и не все карточки закрыты по этой причине.

Рид быстро просмотрел первый лист. На втором остановился.

Лена видела, как он узнаёт собственную подпись. Сначала опускает голову, словно недостаточно хорошо различает буквы. Потом выпрямляется и читает всё с начала.

— Это не акт о переселении, — сказал он.

— Я знаю.

— Это согласование набора данных для расчёта транспортных потребностей. Взяли существующую выгрузку. Там должны были сверять...

Он замолчал и перевернул лист.

Внизу, под его подписью, мелкими буквами значилось: «Оперативные изменения отражаются по результатам последующего обследования».

— У вас оно было? — спросила Лена.

— Я не проводил обследование.

— Я спрашиваю, проводил ли кто-нибудь.

Рид положил лист на стол. Вытащил очки, которые до это-

го висели у него на воротах, и надел. В очках он выглядел старше, чем на фотографиях. Лена не помнила, когда в последний раз видела его лицо в газете. Помнила другое: в кухне матери газетная вырезка лежала в жестяной коробке из-под печенья, под квитанциями за свет.

— Я запросил подтверждение, — сказал он. — Сейчас нашёл бы письмо.

— Найдите.

На другом конце кабинета смеялись. Финч рассказывал бухгалтеру, как случайно привёз на работу пакет с кошачьим кормом вместо своего обеда. Лена смотрела, как Рид ищет письмо на телефоне. Он вводил слова, стирал, снова вводил. Дождь постукивал по наружному блоку кондиционера.

— Вот, — сказал он.

На маленьком экране было видно имя отправителя, дату и начало ответа. Рид увеличил текст.

«Сведения актуальны по завершённым делам. Дополнительный обход в текущем бюджете не предусмотрен».

Ниже стояло его собственное короткое: «Принято».

Он не стал поворачивать телефон экраном вниз.

— Я помню это письмо, — произнёс он. — Я тогда решил, что в незавершённые попадут все, кто ещё на месте.

— Не попали.

Лена говорила тише, чем собиралась. Ей вдруг стало очень легко перечислить всё, что он должен был сделать. Почти приятно. Она посмотрела на своё напоминание, которо-

му было восемнадцать месяцев.

— Я тоже не проверила до конца, — сказала она.

Рид поднял глаза.

— Джун приходила ко мне. Я отправила запрос. Потом увидела закрытую карточку и решила, что её вопрос решили без меня.

Между ними лежали два листа. У обоих нашлось объяснение. В каждом отдельно взятом объяснении можно было жить.

В кабинет вошёл Финч. Увидел Рида и протянул руку.

— Мы встречались. На слушаниях по южной линии. Рад вас видеть.

Рид пожал руку, но вставать не стал.

— Роберт, нужно предупредить управление по чрезвычайным ситуациям. В расчёте транспорта есть исключённые адреса.

— Сколько?

Лена открыла ещё не законченный список. У неё было шесть подтверждённых жилых домов и двадцать семь человек. В четырёх домах не удалось никого найти. В двух карточках оказались старые коммерческие помещения.

Она назвала только то, что проверила.

Финч перестал улыбаться. Снял пиджак с пальца и положил на свободный стул.

5. Лишняя машина

В окружном управлении Натану дали бейдж посетителя, который не держался на мокрой куртке. Дежурный предложил прищепку. На коробке с прищепками было написано «Не выбрасывать».

Командный зал устроили в бывшем помещении районного суда. Остались деревянные панели и высокие окна, через которые отсюда можно было увидеть только небо. Под стеной работали два принтера. На складных столах стояли мониторы, упаковки воды, недоеденные яблоки. На одном из столов женщина в наушниках резала ножницами эластичный бинт: сотрудник рядом натёр запястье браслетом часов.

Мириам Шоу разговаривала с кем-то по рации и одновременно искала ручку в собственных волосах. Когда закончила, посмотрела на Натана.

— Рид. Я видела ваше обращение. И письмо Финча. У вас люди ещё на Ривер?

Он протянул лист.

— Это проверенные. Есть другие.

— Адреса и число. Хорошо. Кто может уточнять на месте? Натан назвал Майю.

Шоу записала номер на полях, потом переслала сведения сотруднику за соседним столом.

— Отправьте группу по доступному маршруту. Подтвер-

ждение каждого выезда. Нужен транспорт с подъёмником, по крайней мере для одного адреса. Сначала свяжитесь с человеком, не приезжайте вслепую.

Она говорила так буднично, что Натан почувствовал облегчение. Мир всё ещё можно было поправить, показав лист тому, кто знал, куда его положить.

— На их карте весь квартал пустой, — сказал он.

— Уже убрали пометку об освобождении. Людей это на холм не перевезёт.

Шоу повернула к нему экран. В списке задач напротив Ривер-стрит появилась жёлтая строка. Ниже были другие: пансионат, жилой комплекс, сломавшийся автобус, домашний пациент, которому требовался особый транспорт. Сотрудник прокручивал страницу, и строки продолжали появляться.

— Насколько плохо? — спросил Натан.

— Меняется прогноз. Южный проезд может стать непригоден раньше, чем ожидали. Сегодня ещё есть возможность выехать обычным транспортом. Если будет хуже, я не хочу искать людей за закрытыми дверями по списку двухлетней давности.

— Я могу помочь с маршрутами. Знаю южную часть.

— Тогда оставайтесь на связи. И пришлите, где именно вы нашли расхождение. Целиком, с исходными файлами. Не снимок одного абзаца.

Натан достал телефон. Сначала переслал письмо Лены.

Потом старый ответ об отсутствии денег на обход. На старом письме стояло его имя. Прежде чем нажать «Отправить», он задержал палец над экраном.

Шоу увидела вложения.

— Вы согласовывали?

— Да.

— Что проверяли?

— Соответствие полей. Я не проверил, что они означали в первичной программе.

Она кивнула и ничего не сказала в утешение.

Он стоял рядом со столом, мешая сотруднице открывать нижний ящик. Та попросила подвинуться. Натан шагнул к стене. На доске висела карта южных улиц. Там, где прежде располагалась фабрика, заканчивалась новая линия защиты. Дальше шли старые кварталы, низкие дворы и территория, которую за последние годы привыкли называть будущим речным парком.

Он участвовал в обсуждении новой линии. Знал, сколько домов пришлось бы обнести, насколько выросла бы стоимость, какой участок ещё нуждался в переносе коммуникаций. В каждом расчёте стояли пояснения, которые делали выбранный вариант разумным. У него дома сохранилась папка с этими пояснениями. Верхняя резинка давно растянулась.

— Мне нужно забрать дочь, — сказал он.

Шоу подняла на него взгляд.

— Ей нужен специальный транспорт?

— Нет. Она в прачечной, помогает людям.

— Там пока сухая дорога. Позвоните ей.

Он открыл рот, но не нашёл, как сформулировать просьбу, не услышав её самому. Хотел, чтобы кто-нибудь в форме приехал к Майе и велел уехать. Чтобы дочь не смогла принять это за очередную его попытку решать за неё. Чтобы действие другого человека освободило его от необходимости разговаривать.

— Я позвоню, — сказал Натан.

В коридоре он сел на скамью. Когда-то здесь сидели свидетели и люди, ожидавшие постановления о штрафе. На спинке было выцарапано чьё-то имя. Последнюю букву затёрли лаком, и она стала похожа на две разные.

Майя ответила сразу.

— Мне уже звонили. Мы уточняем, кому что нужно.

— Садись в машину и езжай домой.

Она некоторое время молчала. Из трубки доносилось шуршание бумаги.

— Я сейчас не дома.

— Я знаю. Потому и говорю.

— Пап, я не одна. И мы отсюда уедем. Грейс с Беа уже отправили к её сестре. Джун поедет с ними вечером. Нам нужно проверить ещё два адреса.

— Я сам проверю.

— А ты знаешь, как Амос открывает дверь, когда не слы-

шит?

— Разберусь.

— Я знаю. Тут не экзамен.

Он посмотрел в конец коридора. Сотрудник в жёлтой куртке разговаривал со своей женой. Натан понял это по тому, как мужчина вдруг смягчил голос, хотя ещё минуту назад что-то требовал у водителя.

— Что мне сделать? — спросил он.

Майя выдохнула.

— Приезжай. У Амоса коляска. Обещали машину, но время пока не подтвердили. Можно с ним посидеть, пока я схожу к Джун. И привези еды, если получится. Он с утра съел печенье.

— Какое?

— Что — какое?

— Печенье. Ему вообще можно всё?

— Спроси у него, пап.

Натан убрал телефон.

У двери кабинета Шоу его догнал сотрудник и попросил ещё раз назвать точное имя дочери: номер записали правильно, фамилию не расслышали. Он повторил. На улице, перебегая к машине, наконец заметил, что правая манжета куртки насквозь мокрая. До этого всё казалось, что в салоне просто холодно.

Он заехал в продуктовый магазин. Взял бананы, хлеб, сыр. Долго стоял у готовых супов, читая состав, потом вспомнил

просьбу и позвонил Майе ещё раз. На этот раз попросил передать трубку Амосу.

— Я Бек, — сказал мужчина. — И если вы про обед, не привозите сладкую кукурузу. Все почему-то думают, что старые её любят.

Натан вернул на полку суп, который уже держал в руке.

6. Ключ с красной ниткой

К вечеру у Лены оставалось семь пропущенных звонков от сына.

Она перезвонила с лестницы. Внизу хлопала наружная дверь: люди таскали коробки с первого этажа наверх, подальше от возможной воды. Запах рыбного пирога к этому времени сменился запахом сырого картона.

— Где ты? — спросила она.

— Дома. Mam, мне завтра в школу идти?

— Пока да.

— Папа сказал, может, закроют.

— Значит, утром посмотрим.

— А ты придёшь?

Лена прислонилась к стене. Вопрос относился к сегодняшнему вечеру. Она оглянулась, словно ответ мог стоять рядом и ждать, когда его заметят.

— Мне нужно заехать в одно место. Потом домой. Макароны есть, соус в маленьком контейнере.

— Там плесень.

— Тогда не ешь. Я привезу.

После звонка она послала бывшему мужу сообщение: «Можешь взять его на ночь? Я задерживаюсь». Оуэн ответил голосовым. Она не стала слушать его на лестнице, прочла расшифровку. Он мог, только после восьми. И просил не

забыть таблетки от аллергии, которые Эли вечно оставлял в другом доме.

Лена вернулась за сумкой. Финч сидел на краю стола и разговаривал с начальством. Он показал ей жестом: подожди.

— Передали предупреждение, — сказал, закончив. — Теперь оформляем расхождения. В отдельной папке. Я дал доступ тебе и Риду. Внешним лицам персональные данные не пересылать.

— Майя Рид уже собирает сведения на месте.

— Я говорю про нашу базу. Люди не подписывались на то, что их документы окажутся где угодно.

Лена кивнула. В этом он был прав.

— Мне нужны первичные бумажные дела.

— С утра откроют архив.

— Откуда ты знаешь, что утром успеем?

Финч потёр переносицу.

— Не знаю. Я позвоню сторожу.

Он отошёл к окну. Лена застегнула сумку, снова расстегнула и положила туда степлер: вечером понадобится скреплять копии, а в прачечной наверняка нет. У матери всегда был степлер. Она держала его возле хлебницы, и семья годами смеялась, что важные документы у них оформляют между тостами.

Двадцать минут спустя Лена стояла у нижнего входа в прачечную. Полицейская машина медленно проехала по улице.

Из громкоговорителя попросили следить за объявлениями округа и заранее подготовиться к выезду. Мужчина на противоположном крыльце поднял большой палец. Другой, у калитки, спросил, будет ли автобус. Полицейский остановился и вышел записать его адрес.

Лена знала этот квартал ещё до того, как научилась читать. Позже, уже старшеклассницей, помогала матери водить к реке Сэма: брату хотелось смотреть на баржи. Он бросал в воду ветки, а она выбирала, какая доплывёт до опоры первой. Потом они спорили, потому что течение тянуло к берегу и нельзя было понять, где финиш.

Сейчас ей было сорок четыре. Брату на последней школьной фотографии навсегда осталось семнадцать. Лена не любила так думать, потому что в этой фразе он получался совершенно неподвижным. На самом деле Сэм не мог спокойно постоять даже у холодильника: стучал носком по плинтусу, щёлкал крышкой бутылки, вытаскивал и снова засовывал ложку в карман.

В прачечной на столе лежал список жильцов. К нему прижимали бутылкой воды расползающийся по сгибу лист. Майя Рид сидела на полу, заряжая сразу три телефона. Удлинитель заканчивался раньше, чем требовалось.

— Вы Лена? Я вам писала.

Лена кивнула. Майя поднялась, запуталась в проводе и сердито откинула его ногой.

— Папа у Амоса. Они рядом. Будете чай?

Вопрос застал Лену врасплох. Она ожидала претензий, не чая. Больше всего ей хотелось, чтобы претензии всё-таки прозвучали: с ними было бы проще начать.

— Не надо. Покажите, что уже подтвердили.

Майя дала ей лист. На нём оказалось больше имён, чем у Лены. В некоторые строки вписали только имя и то, как человека найти: «Клифф, серая собака»; «женщина с первого, звонить Джеки»; «мальчик Амоса — не родственник, живёт по выходным».

— Это нельзя так вносить, — сказала Лена и сразу пожалела.

Майя убрала руки со стола.

— Хорошо. А как?

Они начали разбирать записи. Лена спрашивала, есть ли разрешение передать номер спасателям, где человек находится сейчас, нужно ли ехать к нему или он уже ушёл. Полные имена узнавали по телефону. Там, где не удалось связаться, оставляли пометку «не подтверждено». Майя не спорила. Когда однажды Лена машинально потянулась вычеркнуть повторяющуюся фамилию, удержала лист.

— Это отец и сын. Они живут в разных домах.

Лена вернула ручку на стол.

В половине шестого дверь открылась. Натан вкатил большую пустую коляску и придержал её, чтобы та не ударилась о косяк. За ним шёл мужчина с палкой. В свободной руке он нёс пакет из магазина.

— Машина подтвердила, — сказал Натан. — Соседи заберут его к перекрёстку. У подъезда ей не развернуться.

— Не соседи, — поправил Амос. — Племянник. Соседи за такое денег попросят.

Натан усмехнулся, потом увидел Лену. Она стояла у окна с ручкой в руке и не сразу поняла, почему он кивнул ей так осторожно.

— Спасибо, что приехали.

— Мне тоже здесь есть что исправлять.

Майя помогла Амосу сесть. Он отпустил палку, но пакет оставил у себя на коленях. Лена заметила, что Натан принёс ещё один пакет: его поставили на пол, и из-под тонкого пластика уже выступали круглые тёмные пятна от тёплой еды.

Пока они разговаривали о машине, Лена открыла сумку и нашла материнскую телефонную книгу. Между страниц застрял ключ с красной ниткой. Она не помнила, как он туда попал. Нитка цеплялась за всё, но мать не разрешала её снимать: ключ был от маленького навесного замка на жестяной коробке. Сам замок сломался задолго до смерти Розы, а ключ продолжал ездить с ней по больницам.

— Вашу маму звали Роза? — спросил Амос.

Лена подняла голову.

— Да.

— Я её знал. Она всегда этим ключом сумку прокалывала. Не хотела кольцо покупать.

Майя посмотрела на Лену. В её лице что-то изменилось.

Она повернулась к отцу.

— Роза Ортис, — сказала она.

Натан перестал разбирать пакет.

Лена знала это движение. Когда люди узнавали фамилию матери, они сначала улыбались, а потом начинали делать что-нибудь руками: застёгивать куртку, складывать салфетку. Сама она тоже так делала.

— Ваша мама была с Майей в лодке, — сказал он.

— Да.

— Я не знал, что она...

Он не закончил. Лена не собиралась помогать. Роза умерла в прошлом году. Он мог этого не знать. Город был маленьким лишь тогда, когда кому-нибудь требовалось объяснить, отчего здесь всё известно.

— В ноябре, — сказала она.

— Мне очень жаль.

Майя подошла ближе. Лена узнала в ней ребёнка с газетной фотографии не по лицу, а по тому, как девушка поднимала подбородок, прежде чем сказать трудную вещь.

— Я ей писала. Она не отвечала. Потом мне сказали, что ей тяжело читать с телефона. Я собиралась зайти.

Лена держала ключ в ладони. Остриё зубца упиралось в кожу.

— Она получала письма. Распечатывала у меня.

Майя выдохнула.

— Я не знала.

Натан достал из пакета хлеб, снова положил. За окном хлопнула дверца машины. Все трое повернулись на звук.

Лена вспомнила школьный рисунок сына, оставленный на работе. Завтра бумагу под компьютером могло залить с окна. Нужно было забрать её сегодня, по дороге в архив.

— У меня был брат, — сказала она. — Сэм.

Майя медленно кивнула. Натан смотрел на Лену, не отводя глаз.

— Я знаю, — произнёс он.

— Тогда вы знаете, почему я не храню вашу газету на стене.

Амос пошевелился в кресле. Было слышно, как под его рукой смялся магазинный пакет.

Лена не хотела произносить эту фразу при Майе. Но уже произнесла, и теперь не могла притвориться, что речь шла только о давно закрытом деле.

Натан кивнул. Не попросил объяснить, не стал перечислять, кто в тот день принимал решения.

— Бумажные карточки ещё можно поднять сегодня? — спросил он.

Лена разжала ладонь. Красная нитка прилипла к мокрому следу на коже.

— Сторож обещал дождаться.

7. Последний сухой поворот

Амосу понадобилось ещё сорок минут, чтобы действительно уехать.

Сначала племянник сообщил, что поворот с главной улицы перекрыли из-за упавшей ветки. Потом оказалось, что Амос оставил возле кровати зарядку от слухового аппарата. Он не хотел просить об этом, но каждые несколько минут хлопывал по пустому карману, пока Майя не спросила сама.

Натан сходил за зарядкой. В комнате горела настольная лампа. На кровати лежала старая собака, седая вокруг носа. Она не залаяла, только подняла голову и показала белки глаз.

— Он поедет с тобой, — сказал Натан, хотя собака явно не принимала его за человека, способного это устроить.

Возле тумбочки стояла фотография троих мужчин у озера. Из треснувшей рамки выпал картонный задник. На нём было написано: «Четвёртый за кадром, потому что опять опоздал». Натан вернул картон на место, нашёл зарядку и принёс заодно собачий поводок.

В машине племянника собака заняла весь задний коврик. Амос долго поправлял дверь, чтобы не прищемить хвост, и наконец выругался. Уже сидя на переднем сиденье, потянулся за рукавом Натана.

— Если унесёт дом, фотографии не выбрасывай. Даже если сплпнутя.

— Я не собираюсь сюда возвращаться без разрешения.
Амос посмотрел на него и отпустил рукав.

— Это правильно. Я бы всё равно попросил.

Когда машина уехала, Майя записала время. Не стала ставить галочку сразу: позвонила племяннику и попросила сообщить, когда они доедут. Натан заметил это и ничего не сказал.

Следующим был двадцать шестой дом. На звонки там не отвечали с полудня. В тетради значилась Джун, но не та Джун, которая жила в восемнадцатом. Майя пояснила: Джун здесь было две, а ещё один мужчина представлялся Джуном, потому что его звали Джуниор. Если просто кричать с крыльца, мог ответить кто угодно.

Они шли по сухому участку тротуара. Вода пока стояла только в водосточных канавах, но уже не успевала уходить. Натан смотрел на решётки. Под одной дрожал бурый комок листьев. Поток слегка приподнимал его снизу.

— Сюда потом не поедem, — сказал он.

Майя проследила за его взглядом.

— Мне надо предупредить Сару. Она вечером собиралась забирать коробки.

— Скажи, пусть оставит.

Дочь набрала сообщение. Натан увидел, что сначала она написала «там опасно», потом стёрла и уточнила улицу.

В двадцать шестом дверь открыла женщина с двумя сумками и клеткой для попугая. Попугая в клетке не было.

— Он у сестры, — объяснила она, заметив взгляд Майи.
— Я сначала птицу отвезла. Потом за остальным вернулась.
Сейчас ждём машину.

— Мы?

Из коридора показался мальчик лет тринадцати. Рукав его куртки был прихвачен канцелярским зажимом: молния разошлась, и он не хотел возиться.

В тетради Майи возле этого дома стояло «один человек». Она вытащила ручку.

— Как тебя зовут?

— Нил.

— Нил сегодня здесь живёт или приехал помочь?

Женщина поджала губы.

— Он со мной.

— Я только для транспорта, — сказала Майя. — Мне не нужны документы.

Натан отступил на ступеньку ниже. Под его весом доска мягко подалась. Он проверил носком опору, но ничего не трогал: лестница выдерживала. За окном верхнего этажа висела выстиранная рубашка, вывернутая наизнанку. В кармане остался бумажный платок, и вокруг него расплзлось белое пятно.

Машина приехала через семь минут. Женщина отказалась отдавать клетку в багажник. Мальчик устроил её у себя на коленях и смотрел сквозь прутья, пока они выезжали со двора.

Майя записала ещё один номер.

— Ты всем потом звонишь? — спросил Натан.

— Кто-то же должен узнать, доехали ли они.

У прачечной их ждал сотрудник окружной службы. Он приехал не на автобусе, а на легковом фургоне, с папкой и водителем. Требовалось собрать людей к точке посадки, уточнить количество и передать заявку на следующую машину. Натан узнал его: уже видел в управлении с эластичным бинтом на запястье.

— Дэвид, — представился сотрудник Майе. — Пункт у старой пожарной части. До семи тридцати ещё ходит обычный транспорт, потом проверим состояние проезда.

Майя посмотрела в папку.

— У нас другой пункт.

На бумаге была остановка возле закрытого магазина. Натан знал её. Со стороны холма туда приходилось ехать через низкий тоннель под железной дорогой.

Дэвид выругался себе под нос.

— Это старая схема. В сегодняшнем сообщении пожарная часть. Вам его не прислали?

— Нам прислали «ваш адрес вне зоны маршрута», — ответила Майя. — Потом позвонили. Пункт не называли.

Дэвид достал телефон. Пока он уточнял, водитель обошёл фургон и посмотрел на уровень воды возле бордюра. Не стал курить, хотя уже держал сигарету.

Натан разложил карту на капоте, прижал края ладонями.

Дэвид подтвердил новое место. Старую остановку отменили. На общей карте это уже отразилось; в распечатке, которую принесли жильцам, оставалась прежняя.

— Я отправлю человека к магазину, — сказал Дэвид. — Никто не должен туда спускаться по этой схеме.

Натан позвонил Шоу и повторил только то, что мог подтвердить: старые распечатки ещё ходили по рукам, несколько человек называли неверную остановку. Она попросила перечислить адреса, которым уже передали новый пункт. Он прислонился к капоту и начал записывать за Майей.

Пока они собирали сведения, женщина, складывавшая плед утром, закрыла одну сушилку и включила другую. Бельё всё ещё требовалось досушить. В этом было что-то раздражающее: надвигалась вода, а красный рукав всё продолжал цепляться за полотенца. Но Натан понимал, что люди уедут в той одежде, которую смогут взять, и чистая сухая кофта сейчас была частью спасения, а не помехой ему.

Ему позвонила Энн.

— Майя сказала, вы вместе.

— Были. Сейчас она с Дэвидом. Собирают тех, кто готов выезжать. Я жду Лену из управления.

— Что вам нужно?

Он помолчал. Энн задала вопрос так, будто они ещё составляли общий список покупок, только никто больше не помнил, кто должен ехать в магазин.

— Зарядные устройства. Сухие вещи. Там ещё люди оста-

ются, но я не знаю, что именно у них есть.

— Я могу принять двоих. Если без лестницы никак, у меня только первый этаж. Уточни.

— Я хотел попросить тебя позвонить Майе.

— Я уже звонила.

Натан смотрел на дочь. Она стояла возле фургона и держала перед женщиной телефон, чтобы та могла слышать человека на другом конце. Для этого Майе приходилось согнуться почти пополам.

— Попросить уехать, — сказал он.

— Она уедет. Скажи, что ещё нужно. Я не смогу сделать её маленькой даже по телефону.

Энн говорила спокойно, но последние слова оставила без привычного смеха. Когда-то между ними было достаточно одного смешка, чтобы неприятную вещь считать не сказанной до конца.

— Я пришлю, — ответил Натан.

Он выключил телефон и подошёл к дочери.

— Мама может принять двоих. Первый этаж. Кому это подходит?

Майя посмотрела на него, потом в свой лист.

— Я спрошу у Джун.

В конце улицы раздался глухой удар. Все повернулись к реке. Натан сразу не понял, что случилось, потом увидел: от пустого сарая отвалился кусок водосточного желоба. Тонкая металлическая труба покачивалась на одном креплении, би-

лась о стену и не падала.

Дэвид обошёл фургон и сказал водителю передвинуть машину выше. Натан помог унести стол со списками внутрь. На его ладони остался мокрый отпечаток чьей-то подписи.

8. Вторая страница

Архивный сторож приехал на велосипеде.

Он был сердит на дождь, на сломанный автоматический замок и на то, что его вызвали в четверг, когда у жены родился внук. Ребёнок был ей родным, а ему нет; сторож рассказал это дважды, пока искал нужный ключ, будто боялся, что Лена сочтёт его огорчение недостаточно обоснованным.

— Имя дали? — спросила она.

— Хьюго. Я говорю, им потом ребёнка с площадки звать.

Он наконец открыл дверь и пропустил её с Натаном внутрь.

В бумажном архиве было тепло и тихо. На лестнице горели не все лампы. Лена шла первой, держа телефон с номером нужной коробки. Сторож попросил не ставить папки на пол и ушёл к выходу звонить жене.

Натан задержался у полки с делами десятилетней давности. Лена знала, что он прочёл на торцах коробок, но не стала оборачиваться. Старый раздел хранился выше: не в этой комнате. Сегодня им требовались документы по нынешнему переселению.

Они нашли коробку на третьей полке. Натан достал её; Лена освободила стол, сложив на соседний стул пустые папки. Внутри были заявления, чеки, почтовые уведомления. Некоторые конверты вернулись отправителю с красными наклей-

ками. По этим наклейкам в своё время тоже делали отметки, что найти адресата не удалось.

Дело Джун лежало посередине. Зелёного шнура не было: документы расшили и разложили по отдельным прозрачным файлам. Лена начала с ведомости.

На первом листе повторялась подпись, которую она видела утром. На втором оказалось заявление о продлении временного размещения. Июнь. Через двенадцать дней после выплаты.

Лена прочла его вслух.

— «Постоянное жильё не предоставлено. Проживать по прежнему адресу до завершения рассмотрения...»

Натан придвинул настольную лампу. На полях была отметка сотрудника: ожидание ответа собственника. Потом смена ответственного. Потом — номер другого дела.

— Этой страницы в скане не было, — сказала Лена.

Рид посмотрел на неё.

— У вас всё сканировали одной пачкой?

— Выплату отдельно. Обращение отдельно. Две разные карточки. Когда одну закрыли, другая осталась без привязки к адресу.

Она открыла телефон, нашла по номеру вторую карточку. В ней действительно лежал нужный лист. Не исчез, не был тайно удалён. Стоял в очереди уточнений под старой служебной пометкой.

Лена потёрла глаза ладонью. С утра она хотела найти

неправильную подпись. Теперь находила слишком много правильных бумаг, которые не встретились друг с другом.

Натан взял пустую папку и написал на ней номер дома. Переложил туда копии, которые они сделали на старом аппарате в углу. Лена фотографировала страницы целиком, с номером и краями. Проверяла, различим ли мелкий текст. В какой-то момент Рид пододвинул ей стакан воды из кулера. Она выпила, не поднимая головы.

К девяти у них было ещё пять дел с расхождениями. В двух программа завершилась правильно: люди уехали. В одном старое заявление относилось к умершему жильцу. Лена настояла, чтобы это тоже внесли в таблицу. Чужая ошибка могла показаться доказательством, если не доводить проверку до конца.

— Когда вы узнали про Сэма? — спросила она.

Натан перестал писать.

Она сама не собиралась говорить о брате здесь. Вопрос вышел раньше, чем она успела решить, стоит ли произносить его при лампе, копире и квадратной коробке с чужими адресами.

— На следующий день, — сказал он. — По радио. Потом Энн нашла вашу мать.

— Вы с ней разговаривали?

— Да.

— Что она вам сказала?

Он держал ручку над листом. На пальце у него была старая

мозоль, такая светлая, что её почти не было видно.

— Что Майя не виновата.

Лена узнала материнскую фразу. Роза говорила её много раз и про разных людей. Иногда Лене хотелось запретить ей это. Мать как будто торопилась всё уладить до того, как ей зададут вопрос.

— А вы что сказали?

Натан опустил ручку.

— Что мне жаль.

— И всё?

Он кивнул.

Ей хотелось ответить что-нибудь окончательное. Она даже знала что. Много лет назад сформулировала так, чтобы он не сумел возразить. Вместо этого увидела телефон: от Эли пришло сообщение «у папы, таблетки взял». Потом фотография кота, который забрался в его рюкзак.

Лена показала экран Натану, сама не понимая зачем.

— Мой сын.

— Я видел фото у вас на столе.

— Он уже больше не ловит рыбу. Та была единственная.

Рид кивнул. Ему было некуда деть руки, и он снова взял ручку.

Сторож вошёл в комнату и сказал, что скоро надо расходиться. Кое-где в здании предлагали на ночь отключить лишние линии, он не хотел потом искать их с фонарём. Лена объяснила, какие коробки оставить поближе к выходу. Все нуж-

ные листы они уже успели снять.

На стоянке Натан остановился перед машиной.

— В старом деле есть мой отчёт.

— Я знаю.

— О том, что я видел у лодочной площадки.

— Мама его читала.

Он смотрел на мокрое седло велосипеда, привязанного к ограде. Сторож поверх седла натянул пакет, но по краям набралась вода.

— Я не знаю, всё ли я там написал правильно.

Лена ждала.

— Не потому, что не помню, — продолжил он. — Я помню, о чём меня спрашивали. Подтвердить, что в тот момент больше никого не было видно. Я подтвердил. Потом в отчёте осталось: «Людей не было».

Он переступил с ноги на ногу. На холоде правая лодыжка плохо сгибалась. Её собрали после того наводнения; Натан тоже выбирался из нижнего квартала на чужой лодке. На снимке в газете нога оставалась за краем кадра. Майя сидела у него на коленях, и подпись сообщала только о девочке и женщине, которая её привезла.

Лена надела капюшон. Дождь затекал под воротник, но она не стала поправлять его.

— И вы это не исправили.

— Да.

Лена знала, что объяснение он давал после тяжёлой трав-

мы. Знала и то, что итоговый отчёт составляли другие. Натан не напомнил ей ни о том, ни о другом.

— Завтра я запрошу полное дело, — сказала она. — Не вашу вырезку.

Рид кивнул.

Его телефон зазвонил, когда она уже открывала машину. На экране было имя Майи. Он включил громкую связь, чтобы не перекрикивать дождь.

— Пап, мы у пожарной части. Большинство доехали. Но нам дали список отказов, и там Джун.

Лена обернулась.

— Она у Энн, — сказал Натан. — Только что писала.

— Да. Отказ не сегодняшний. Она когда-то отказалась от комнаты в мотеле без кухни. Здесь написано «отказ от размещения». Его перетащили в заявку на транспорт. Посмотри ещё раз эти поля. Тут другие люди тоже есть.

Натан прижал телефон к уху.

Лена стояла под дождём с открытой дверцей. На сиденье лежала папка, где заявление Джун наконец оказалось рядом с её подписью. Нужно было предупредить Шоу. Нужно было проверить остальных, кого обозначили отказавшимися. Нужно было поесть, пока руки ещё слушались и не дрожали от голода.

Она поставила папку на пассажирское сиденье и достала телефон. Финч ответил не сразу.

— Роберт, — сказала Лена. — Поднимай всех, кто может

проверять карточки. И людей на телефоны. Одних документов опять не хватит.

9. Ночная смена

Первой вернулась Нора Хейл. На ней были домашние брюки и длинное пальто, из-под которого виднелись розовые тапочки с твёрдой подошвой. Она поставила на стол коробку пончиков, вытащила из сумки туфли и спросила, где можно переобуться так, чтобы этого не увидела камера.

Финч показал на свой кабинет.

— Там камеры нет?

— Есть дверь.

Нора ушла, а Лена открыла коробку. Все пончики оказались с одной и той же густой глазурью. Она взяла ближайший, откусила и некоторое время стояла, не в силах заставить себя жевать. Во рту стало сладко до боли в зубах. С утра она выпила два кофе. Больше ничего не помнила.

Натан принёс воду и сел напротив. Вода текла с его куртки на дешёвый линолеум. Он заметил лужу, встал, повесил куртку над раковиной. Лена пока не снимала свою: если сесть в ней, казалось, что в любой момент можно уйти.

Финч поставил посреди комнаты телефон на громкую связь. Шоу говорила откуда-то, где непрерывно открывали ящики.

— Я получила предупреждение. Старые отметки об отказах не используем как подтверждение нынешнего решения. Дэвиду передали. По остальным участкам проверяем. Что у

вас можно получить быстрее всего?

Лена проглотила кусок.

— Адреса из выгрузки. И карточки, по которым поставили отказ.

— Это всё у нас есть. Мне нужны люди, которые сейчас остаются. Если не дозвонились — так и пишите. Не меняйте автоматически на «ждёт машину».

Из трубки донёсся другой голос. Шоу попросила подождать, вернулась.

— Если человек уже выехал, уточняйте, когда и с кем. Адрес, номер для связи, нужны ли особые условия. Передавайте по мере проверки. Не ждите, пока закончите всю улицу.

Финч записывал на обороте старого календаря. Когда связь отключилась, он посмотрел на исписанный лист и достал чистый.

— Я могу звонить, — сказал Натан.

— Нет, — ответила Лена.

Он перестал раскладывать распечатки.

— Я знаю, что спрашивать.

— А они не знают, кто вы. Утром вы приехали выяснять, как снести им дом. Я бы тоже не стала вам рассказывать, где сейчас моя семья.

Она произнесла это резче, чем требовалось. Натан медленно убрал руки с листов.

— Тогда что я могу?

Финч нашёл ему стул возле копира. Требовалось сопо-

ставлять номера домов в старой схеме и в сегодняшних сообщениях, выписывать места, где обозначения различались. Натан снял очки, протёр их сухим краем рубашки и взял первый лист.

Нора вернулась в туфлях. За ней пришёл парень из жилищного отдела, которого Лена обычно видела только у автомата с кофе. Он спрашивал, хватит ли телефона на столе или нужно принести свой ноутбук. До полуночи мог остаться. Потом ему требовалось сменить жену: она работала в больнице.

Ему выделили четыре карточки и отдельную строку для времени разговора.

Лена набрала первый номер.

— Миссис Кроу? Это окружной центр переселения. Лена Ортис.

— Я сказала, мне ничего не нужно.

Лена отодвинула от себя крошки.

— Я сейчас звоню не по поводу выплаты. Мы уточняем, нужна ли вам помощь с выездом из-за воды.

— Вы уже уточняли.

— Сегодня?

— Во вторник. Сказали, я могу поехать в тот же мотель.

В карточке стояла отметка, сделанная в прошлом году. Во вторник женщина могла разговаривать с кем-то ещё. Лена записала её слова отдельно.

— Сейчас я спрашиваю о сегодняшнем вечере. Вы по-

прежнему на Ривер-стрит?

— Я смотрю на неё.

Из трубки шёл скрип. Женщина, кажется, качалась в кресле.

Лена представила человека у окна и вдруг почувствовала раздражение. В управлении поднимали людей с кроватей, в архив ехал сторож на велосипеде, а кто-то всё ещё сидел и требовал, чтобы вопрос задали правильным тоном. Она на секунду зажала микрофон ладонью. Посмотрела на Нору, которая медленно повторяла в трубку имя водителя. Выдохнула.

— У вас есть машина или человек, который может вас отвезти?

Скрип прекратился.

— Я ждала автобус.

— Где?

— У магазина. Мне сказали, в шесть.

Лена посмотрела на часы. Десять двадцать одна.

— Вы сейчас дома?

— Конечно дома. Сколько там стоять? У меня ноги не казённые.

Женщина ждала на отменённой остановке. Потом вернулась. На телефоне у неё оказалось два пропущенных вызова с незнакомых номеров. Звонки она не слышала.

Лена записала, что миссис Кроу может сама выйти из дома, но далеко не дойдёт, что с ней кошка, которую нужно

перевезти, и что звонить следует несколько раз. Попросила держать телефон рядом. Передала сведения Финчу, не закончив всего разговора. Тот сразу связался с управлением.

— А куда меня повезут? — спросила миссис Кроу.

— Сейчас уточняют место. С вами свяжутся.

— Опять в мотель?

Лена хотела пообещать что-нибудь другое. Вместо этого попросила женщину записать её номер.

— Что я буду с ним делать?

— Позвоните, если вам снова дадут указание, которое не получается выполнить.

— У вас же ночью никто не берёт.

— Сегодня я возьму.

Она продиктовала номер. Женщина повторила его, ошиблась в двух цифрах, начала сначала. Лена дождалась, пока всё сойдётся.

Со второго номера ответил мужчина. Он говорил так тихо, что пришлось убрать телефон с громкой связи.

— Клифф Харпер?

— Кто спрашивает?

— Лена Ортис. Мы ищем тех, кому нужна помощь с выездом.

— Мне ничего не надо.

По бумагам Клифф отказался от временного размещения двадцать месяцев назад. У Лены не было оснований считать это ответом на сегодняшний вопрос. Но сейчас он произнёс

почти то же самое.

— Вы остаетесь внизу?

Мужчина помолчал.

— Я у сестры. С понедельника. У неё не курят, поэтому я с вами сейчас на крыльце.

Уже перед тем, как повесить трубку, спросил:

— А собаку вы нашли?

Лена подняла голову. На другом листе у Майи было написано: «Клифф, серая собака».

— Она не с вами?

— Её Джеки забрала. Пока у сестры нельзя. У неё кот. Вы там за Джеки присмотрите, она без неё никуда.

Лена уточнила, где живёт Джеки. Оказалось, через два дома от прежней остановки. Сама она в базе не значилась. Её телефон пришлось взять у Клиффа.

Когда разговор закончился, Нора уже держала перед Леной лист. По одному адресу ответила дочь прежнего жильца. Отца не стало прошлой зимой, в доме теперь жил её бывший муж. Нора знала только имя. Номер бывшего мужа женщина давать не хотела.

— Ты сказала, зачем он нужен?

— Три раза.

На листе у Норы было аккуратно выведено «НЕ ДОЗВОНИЛИСЬ».

— Ты же дозвонилась, — сказала Лена.

— Не до него.

Они посмотрели друг на друга и одновременно устало рассмеялись. Парень из жилищного отдела повернул голову, но Нора уже забрала лист и села уточнять, как передать человеку просьбу связаться с ними самому.

Телефоны звонили не в такт. В паузах Лена слышала копир: он втягивал страницу, останавливался, начинал снова. Вода с куртки Натана капала в раковину. Кто-то включил чайник и не нажал кнопку второй раз, когда он слишком рано отключился.

Эли прислал сообщение: «Школу завтра отменили». Следом — фотографию пустого футляра от очков. «Это не твой?» Лена набрала «нет», хотя не узнала футляр. Потом спросила, поел ли он. Сын ответил фотографией тарелки. Возле неё лежала новая батарейка для брелока.

В двадцать три ноль семь миссис Кроу позвонила сама. Машина пришла. У водителя оказалось другое имя, не то, которое ей сообщили сначала. Она не хотела выходить.

Лена попросила передать ему трубку. Финч проверил сведения в управлении; водителя заменили по пути. Телефон ещё раз вернулся к женщине.

— Это ваша машина, — сказала Лена. — Можно ехать.

— У меня кошка не идёт в переноску.

Из трубки донеслось чьё-то тихое «держите с той стороны». Потом тяжёлое дыхание, короткий сердитый звук и стук дверцы.

— Всё, — произнесла миссис Кроу.

Лена услышала, как дверь дома закрылась на ключ. Записала время. Не стала закрывать карточку: водитель ещё должен был сообщить, что довёз пассажирку.

Напротив сидел Натан. Он закончил сравнение улиц и смотрел на телефон, положенный на стол экраном вверх. На экране светилось сообщение Майи. Лена не читала его, видела только, как он несколько раз набирает ответ и стирает.

— Езжайте к ней, — сказала она.

Натан посмотрел на стопку.

— Эти ещё не проверены.

— Вы их утром уже видели. На третьем перечитывании они не станут лучше. Оставьте, что нашли.

Он попросил ручку, которой можно писать по мокрому пластику. Нора дала обычную шариковую. Он попробовал её на краю файла, потом написал на бумаге и вложил внутрь: «Два разных въезда. Не путать».

У дверей Натан остановился, разыскивая бейдж. Он всё ещё был прицеплен прищепкой к внутреннему карману. Прищепку снял и положил на подоконник.

Лена набрала Джеки. На этот раз трубку сняли до первого полного гудка.

10. У Энн

Энн открыла дверь, придерживая бедром пустую корзину для белья.

— Не звони. Кнопка заедает. Мы полчаса не могли понять, почему звенит.

Натан посмотрел на кнопку, потом на её лицо.

— У тебя есть маленькая отвёртка?

— Сейчас мне нужно, чтобы кто-нибудь вынес эту корзину.

Он взял корзину. На нижнем полотенце было бурое пятно. Не кровь, успел подумать он. Обыкновенная грязь с чужой обуви. Энн закрыла дверь и вернулась на кухню, где кто-то спрашивал, можно ли вылить воду из чайника.

Натан прошёл к стиральной машине. Когда они жили вместе, машина стояла в тесном помещении возле гаража и на отжиме заставляла дрожать дверной косяк. Здесь её поставили в нише за деревянной решёткой. Натан сам выбирал эту решётку, уже после развода. На коробке были нарисованы совершенно другие петли; в магазине пытались доказать, что он неправильно понял картинку.

Он загрузил полотенца. Не нашёл порошок. Открыл шкафчик над машиной и увидел банки с краской.

— На полу, справа, — сказала Энн с порога. — Я тебя слышала.

— По дверце?

— Ты всегда её два раза открываешь. Надеешься, что во второй будет то, что нужно.

Он насыпал порошок и не стал спорить.

Джун сидела за кухонным столом в его старой рубашке. Натан узнал её по треснувшей белой пуговице на кармане. После развода рубашка несколько лет пролежала в коробке с дачными вещами, которую он так и не забрал.

— Вашу куртку сушим, — сказала Энн. — Миссис Прайс промокла, пока ждала, когда я найду её сумку в машине.

— Не миссис, — сказала Джун. — Я вам уже предлагала.

— Джун.

— Так лучше.

Возле ног Джун спала небольшая рыжая собака. Она лежала прямо на кабеле от телефонной зарядки. Натан наклонился, собираясь высвободить провод, но Джун придержала его руку.

— Потом. Она только устроилась.

Он отступил. На столе стоял его собственный старый планшет, который он когда-то оставил Энн для рецептов. Экран потемнел, под нижней кромкой отклеивалась плёнка. Джун поддела её ногтем и тут же разгладила обратно.

— Я сказала Грейс, что у вас всё хорошо, — произнесла Энн. — Не по телефону. Сообщением. Она сможет прочитать, когда уложит Беа.

— У сестры им тесно, — ответила Джун. — Там ещё маль-

чики. Беа не уснёт, пока всех не посчитает.

Натан налил себе воду. В холодильнике нашёл контейнер с рисом, увидел приклеенное к нему имя и закрыл дверцу.

— Суп в кастрюле, — сказала Энн.

Джун подвинула к нему чистую ложку. Он сел с тарелкой и почувствовал, как затекла поясница. Куртка высохла снаружи, но под рубашкой между лопатками всё ещё было холодно.

— Майя где? — спросила Энн.

— У пожарной части. Говорит, заканчивает. Потом до- мой.

— А ты?

Он посмотрел на часы. Дом стоял на другой стороне холма. Доехать можно было минут за пятнадцать, но там его ждала холодная кухня, почта на полу и неубранная со вчерашнего вечера посуда.

— Я её подброшу.

Энн кивнула и стала вытирать столешницу там, где та уже была сухой.

— У меня просьба, — сказала Джун.

Оба посмотрели на неё.

— Не нужно всё время решать на кухне, что со мной де- лать.

Энн положила тряпку.

— Мы не решали.

— Я слышала разговор у двери. Про комнаты.

— Натан спросил, что ещё нужно. Я сказала, что спальное место приготовлено.

Джун медленно провела ладонью по рукаву чужой рубашки.

— Мне нужно знать, где можно сложить мою одежду. Не рядом с его тарелкой и не у собачьей миски. Я это весь вечер перекладываю и всё время кому-нибудь мешаю.

Натан только сейчас увидел сумку. Она была наполовину раскрыта и стояла на краю стула. Сверху лежала расчёска в полотенце. Он принял её за одну из вещей, которые Энн приготовила гостям.

Энн забрала со свободного кресла стопку своих журналов и поставила их на подоконник.

— Это кресло ваше. И нижний ящик в комнате. Верхний я разберу утром. Подойдёт?

— Подойдёт.

— В ванной полка слева. Она пустая, можно поставить всё своё. Полотенца на крючке за дверью.

— Собака туда не ходит.

Энн посмотрела на собаку. Та уже занимала проход и, кажется, собиралась провести ночь именно там.

— Хорошо.

Джун отнесла сумку. Натан доел суп. Ему было неловко, что он сидит, пока две женщины обустройствают последствия его полезной идеи. Но, когда он поднялся помочь, Джун сказала, что её вещи трогать не надо.

Он вымыл свою тарелку и поставил её на сушилку. Старая привычка потребовала повернуть чашки ручками в одну сторону. Энн заметила это, ничего не сказала.

Ему позвонил Мартин. Натан вышел в коридор.

— Рид, по северному насчёт понедельника. Они другого нашли. У них техника с выходных стоит, им ждать нельзя.

— Понял.

— Ты фото хотя бы свои пришли. Что успел снять.

Натан не успел снять ничего. Он напомнил об этом. Мартин вздохнул.

— Хорошо. Тогда там тебя убираю. А по Ривер мне нужен нормальный промежуточный акт. Не «люди живут», а какие дома мы сейчас не можем отдавать в работу. Чтобы завтра не было разговора, почему бригада приехала и стоит.

Натан достал из кармана сложенный лист. На кухне Джун спрашивала у Энн, чем протирать собаке лапы, чтобы не испортить хорошее полотенце.

— У меня есть подтверждённые адреса, — сказал он. — По непроверенным не пишите, что свободно.

— Я не прошу писать, что свободно. Я прошу написать, что ты видел. Ты вообще спал?

Натан закрыл глаза.

— Ещё нет.

— Тогда не делай мне акт из головы. Утром пришлешь.

После разговора он остался в коридоре. По стене полз свет фар: кто-то медленно поднимался по улице. Здесь дождь был

просто дождём. Лужи стекали к угловой решётке, вода уходила вниз по уклону. Натан слишком хорошо представлял, куда.

Из комнаты вышла Джун. На ногах у неё были носки Энн. До этого они постоянно сползали в пятке, теперь она подвернула верх.

— Она вас не выгоняла? — спросила Джун тихо.

— Энн? Нет.

— Я про рубашку. Сказала, вы здесь не живёте. Я думала, может, человек ещё собирается вернуться.

Натан посмотрел на треснувшую пуговицу.

— Нет. Берите.

— Я её выстираю.

— Да я не...

Он остановился. Джун ждала.

— Спасибо, — сказал он.

Энн появилась в коридоре с запасной наволочкой. Джун взяла её и ушла в комнату. Они остались вдвоём.

— Ты можешь лечь на диване, — сказала Энн. — На пару часов. Дальше уже сам поедешь, если понадобится.

— Майя ждёт.

— Я знаю.

Он достал телефон. От дочери пришло: «Заканчиваем. Можешь приехать через двадцать минут?»

— Завтра рано встану, — ответил Натан, хотя Энн ничего не спрашивала о завтра.

Она сняла с комода ещё одну наволочку, расправила на вытянутых руках и повесила на дверную ручку.

— Ты на неё сердишься?

— Нет.

Энн посмотрела на него.

— Я не знаю, — сказал он. — Иногда мне кажется, что она нарочно выбирает то, в чём я не могу ей помочь.

— А ей, наверное, кажется, что ты считаешь делом только то, в чём можешь помочь.

Он провёл рукой по лбу. Энн подтянула рукав, намоченный возле мойки.

— Сегодня она тебе звонила, — добавила она. — Просто приехай.

На столике у двери стояла школьная фотография Майи. Там ей было тринадцать: новые зубы ещё казались слишком большими для лица, а плечи она держала поднятыми, потому что не любила платье. Натан вспомнил, как в тот день они забыли отнести в школу форму разрешения на поездку. Ему пришлось ехать обратно с объекта. Он сердился в машине, а Майя извинялась по телефону и обещала, что больше такого не будет.

Сейчас ему хотелось вернуться в тот день и просто отдать бумагу.

Он снял с двери куртку. Собака Джун встала на звук ключей, подошла к нему, обнюхала ладонь и вернулась под стол.

На крыльце звонок снова затрещал без остановки. Энн

выглянула вслед.

— Не начинай, — сказала она, увидев, как он повернулся к кнопке. — Я выключу.

Натан постоял секунду, потом убрал руку. Дошёл до машины. Пока разворачивался, свет над входом погас, а кухонное окно осталось гореть.

11. Фотография для проекта

Майя вышла к нему без куртки. Дождь уже почти перестал, и в холодном воздухе её рубашка казалась тонкой, как бумага. На плече темнело пятно от чужой ладони. Когда она наклонилась к открытому окну, Натан увидел, что на лбу у неё прилип обрывок синей клейкой ленты.

— Сзади можно подвинуть коробку? — спросила она.

Он вылез, переставил коробку в багажник. Внутри звякнули инструменты. Майя обошла машину и сняла с руки два пластиковых пакета. Один был набит ручками и зарядками, во втором лежали чужие тапочки.

— Чьи?

— Миссис Кроу. Она завтра их заберёт. Я думала, её увезли с обувью, а там другая сумка оказалась.

— Так отдай Дэвиду.

— Он уже закончил. Уехал. Я оставлю утром.

Натан забрал пакеты. Майя застыла у открытой двери и, будто только теперь почувствовав холод, обхватила себя руками.

— Куртка?

— Я её сушила. Сейчас.

Он ждал в машине. Здание пожарной части освещалось с трёх сторон, но за оградой было темно. Входящие люди на мгновение исчезали в этой полосе, потом появлялись у две-

ри, уже видимые целиком. Одна женщина вернулась к машине за маленьким цветком в горшке. Натан смотрел, как она несёт его двумя руками, прижимая к себе, чтобы листья не попадали под дождь.

Когда Майя села, пришлось долго возиться с ремнём. Она вставляла язычок в замок не той стороной.

— Я сам, — сказал Натан и потянулся.

— Пап.

Он откинулся. Она перевернула язычок. Замок щёлкнул.

Они поехали по верхней улице. Натан мог смотреть на воду у реки только в одном просвете между складами, но всё равно поглядывал туда, хотя ничего не различал. Майя прислонилась к стеклу. Волосы у виска расплющились, и она отодвинулась, чтобы их поправить.

— У тебя лента, — сказал он.

Дочь провела рукой по лбу, сняла синий обрывок. Приклеила его на палец.

— Это я коробки отмечала. Чтобы не перепутали лекарства и зарядки. Всё равно перепутали. Там на другом боку уже была старая надпись.

Она отлепила ленту и приклеила к своей сумке.

— Ты хоть поспишь?

— Несколько часов. В редакцию написала, что завтра буду на связи из дома.

— Тебе разрешили?

— Мы не школа.

Он кивнул. Дворники с сухим скрипом прошлись по почти чистому стеклу. Натан выключил их. На следующем перекрёстке включил снова: из-под грузовика перед ними разлетелась грязная вода, оставшаяся в выбоине.

— Ты говорила сегодня... — начал он.

Майя повернула голову.

— Я слышал. Про сообщения. Почему ты не отвечала.

Они остановились на красный. Впереди стоял фургон пекарни. На задней двери пёстрыми буквами предлагали заказать торт к любому празднику. Под номером телефона капала вода.

— Я не знаю, как с тобой об этом разговаривать, — сказала Майя.

— Ну попробуй.

Он услышал собственный тон: такой тон был у его отца, когда десятилетнему Натану давали высказать мнение, а взрослые заранее приготовились объяснить, почему оно не годится.

Майя положила ладонь на сумку. Синяя лента осталась на ткани. Она достала телефон, нашла видео и показала ему первый кадр.

На экране была фотография. Роза с мокрыми волосами, похожая на человека, которого неожиданно разбудили. Семилетняя Майя в одеяле. Он сам, Натан, чуть сбоку: лицо худее, подбородок небритый, рот открыт. Фотографу он тогда что-то говорил. На изображении получалось, будто улы-

бается.

— Ты это видел?

Загорелся зелёный. Натан тронулся.

— Мне присылали. Я не посмотрел до конца.

— Посмотрим?

Через квартал он свернул к круглосуточной заправке. Остановился на освещённом месте, заглушил двигатель. Насосы остались по другую сторону парковки. Перед магазином курил кассир, пряча сигарету от слабого ветра ладонью. Майя увеличила звук.

В ролике сначала показывали реку. Потом — новую защитную линию, детей на велодорожке, людей у стендов с картами. Натан узнал зал, в котором выступал несколько лет назад. Помнил, что спрашивали о стоимости обслуживания. На экране звучал его собственный голос, вырезанный из другого ответа:

«Мы не должны снова оказаться в положении, когда помощь приходит слишком поздно».

Потом появилась старая фотография. Камера медленно приближалась к лицу Майи. Под ней были слова о городе, который научился защищать свои семьи.

На экране внизу на несколько секунд возникла схема будущего парка. Даже с телефона Натан различил знакомый изгиб реки. На месте дома Джун изображали газон и две скамейки.

В конце шёл призыв поддержать следующий этап проекта.

Майя остановила видео.

Кассир бросил окурок в урну и вернулся за прилавок.

— Фотографию ты дал? — спросила она.

— Да.

— Ясно.

— Когда собирали материалы к обсуждению. Я думал, для стенда. Я дал целую папку: старые планы, снимки того года. Не выбирал, что поставят.

— А спросить, что поставили, можно было?

Натан потянулся к телефону. Майя удержала его.

— Можно было, — сказал он.

Она убрала телефон. За стеклом казалось, что начинается мелкий снег, но это ветер принёс капли с козырька.

— Я увидела это одиннадцать дней назад. Мне редактор прислала. Сказала: хорошая история, можно сделать материал, как люди живут после. Она не знала, что на фотографии я. Просто прислала начинающему сотруднику тему.

Натан посмотрел на неё.

— Я ей сказала. Она спросила, могу ли поговорить с тобой. Я ответила, что попробую. Потом написала тебе про роллик.

Он вспомнил сообщение. Майя прислала ссылку и спросила, участвовал ли он. Он ответил: «Да, там всё давно обсуждено». Потом добавил, что у неё опять лысеет задняя шина, и послал ссылку на комплект зимних.

— Я отвечал про проект, — произнёс он. — Не про фо-

тографию.

— А я спрашивала про себя.

Натан взялся за рулевое колесо, хотя машина стояла. На парковку въехал мужчина на маленьком грузовике. Долго разворачивался у заправочной колонки. Натан следил за ним с излишним вниманием.

— Я не знал, что ты против.

Майя откинула голову назад. С потолка на её лицо падал слабый жёлтый свет.

— Пап, я могу быть против разного. Против фотографии. Против того, что ты передаёшь её людям, которых я не знаю. Против того, что у Розы будто нет ни имени, ни своей семьи. В ролике написано «местная жительница».

— Я скажу им исправить.

— Это нужно исправить. Но я сейчас не за поручением пришла.

Она долго теребила край рукава. Натан мог бы уже в третий раз спросить, что ему сделать, и только потому не спрашивал, что знал её следующий взгляд.

— Я тот день помню не так, — сказала Майя.

У него сжался живот.

— Как?

— Не целиком. Кусками. Меня одеялом завернули так туго, что я не могла высвободить руку. Хотела почесать нос. Мне говорили сидеть смирно. Я думала, если начну шевелиться, меня опять куда-то повезут. А на снимке я как будто

просто на руках у папы. Всё хорошо. Ты каждый раз так и рассказываешь. Что меня привезли, я испугалась, потом всё хорошо.

Натан помнил жёлтый край одеяла, набухший от воды. Помнил пальцы Розы на плече Майи. Лицо дочери, сначала чужое, пока она не подняла на него глаза. В памяти за этим сразу наступало облегчение. Всё, что было до и после, приходилось доставать отдельно.

— Я не хотел, чтобы ты это носила с собой, — сказал он.

— Я и не ношу каждый день. Только когда мне самой дают ссылку.

Он отвернулся к окну. На асфальте под фонарём лежала смятая перчатка. Какой-то водитель наехал на неё одним колесом и проехал дальше.

— Проект нужен, Май. Тогда нужно было принимать решение. Защитить весь берег тем способом не получалось.

— Я знаю. Я читала.

— Там не было варианта, при котором всем сразу хорошо.

— Я не прошу сделать вид, что был. Я спрашиваю, зачем моя фотография делает вид, что уже всё закончилось.

Натан посмотрел на телефон у неё в руке.

Он хотел попросить переслать ролик, хотя мог найти его сам. Так проще было бы отсрочить ответ: сначала посмотреть на большом экране, потом уточнить, кто монтировал, потом связаться с человеком, который составлял подписи. Он даже вспомнил его имя.

— Ты права насчёт фотографии, — сказал он. — Я не спросил тебя. И ответил, не посмотрев, о чём ты говоришь.

Майя уставилась на погасший экран. Не сказала «ничего».

В машине стало холодно. Натан включил двигатель и отопление, но остался на месте.

— Почему ты пошла в прачечную? — спросил он.

— Потому что там розетки. И Рэйчел разрешила людям сидеть, пока стирают. Я сначала пришла про неё написать. Как маленький бизнес помогает соседям. Очень удобная тема была.

Она усмехнулась.

— Потом женщина спросила, могу ли я ей прочитать письмо. Я прочитала. Она спросила, что ей делать. Я не знала. Позвонила по номеру. Потом другая попросила. Я стала приходить по утрам. Про Рэйчел так ничего и не написала. Она уже шутит, что я самый медленный репортёр в городе.

— А сейчас напишешь?

— Не знаю, что получится. Я могу спрашивать людей про выезд, а потом доставать блокнот и собирать их слова для материала. Только они тогда не поймут, зачем я вообще пришла.

Натан подумал о своих сегодняшних разговорах. О телефонах на столе у Лены. Он тоже не знал, как удержать всё это в одном рассказе, не сделав кого-нибудь фоном.

— Редактор может помочь?

— Может. Я ей написала, что здесь ты участвовал в согла-

совании. Она хочет поговорить. Но не сегодня ночью.

Она наконец посмотрела на него.

— Я не стала у тебя спрашивать разрешения сказать об этом.

Натан медленно кивнул.

— У тебя есть мои контакты.

— Я не дала личные документы. Только сказала, кто ты и что я нашла. Остальное она спросит сама.

— Хорошо.

Из магазина вышел водитель грузовика. Он нёс два стакана кофе. Один поставил на крышу, долго шарил в карманах, нашёл ключи. Майя тоже следила за ним, и оба одновременно сказали «кофе» — мужчина уже собирался ехать.

Натан коротко нажал на сигнал. Водитель обернулся. Он показал на крышу. Мужчина снял стакан, поднял его в знак благодарности.

Майя рассмеялась. Впервые за всё время, что сидела в машине.

Натан выехал с парковки. Дорога к дому дочери поднималась вдоль старого кладбища. Машин почти не было. Майя попросила выключить обогрев со своей стороны: ей стало жарко. Через минуту опустила голову и уснула так резко, что Натан сначала решил, будто она опять смотрит в телефон.

Он ехал медленно. У её дома не стал трясти за плечо. Назвал по имени. Дочь проснулась, не поняла, где они, потом стала собирать пакеты.

— Тапочки у меня останутся, — сказал он. — Я утром передам.

— Не забудь.

— Напиши на пакете.

Она посмотрела на него, взяла из сумки маркер и написала: «КРОУ. ОБУВЬ». Подчеркнула дважды.

На наружной лестнице перила всё ещё шевелились. Майя сама нашла ключ, открыла дверь и включила свет. Помахала ему с порога. Натан не спрашивал, закроет ли она дверь на второй замок.

Когда он вернулся на главную улицу, телефон сообщил о новом письме от Лены. Там были два подтверждённых адреса и просьба: если утром будет возможность, помочь группе найти восточный вход в дом бывшего фабричного смотрителя. По старому плану вход находился с другой стороны.

Он ответил, что может после пяти. Потом исправил на «после пяти утра». Дочь через несколько секунд прислала ещё одно сообщение.

«Про Розу тоже напиши им. Не только про меня».

12. Подъёмник

Будильник прозвенел в четыре сорок, но Натан не сразу понял, какой наступил день.

Он лежал поверх одеяла в спальне у себя дома. Одна ступня осталась в носке, другая нет. В коридоре горел свет. Из кухни доносилось гудение холодильника, и некоторое время он слушал его, пытаясь вспомнить, не работает ли где-нибудь насос.

На экране было: пятница. Натан посмотрел дважды. Спал чуть больше трёх часов.

Пока грел чайник, проверил сообщения. От Майи ничего. От Лены — схема входа, присланная ещё ночью, и короткая запись голоса: «С ними связались. Ждут оснащённую машину. Не обычный автобус». От Мартина — напоминание про акт. От банка — что-то, что Натан не открыл.

Он сел, чтобы надеть второй носок. Колено хрустнуло. Правую лодыжку потянуло так, что пришлось подняться и несколько раз медленно перенести вес с одной ноги на другую. Дождь уже снова стучал в подоконник.

К пяти двадцати он был у пожарной части. Тапочки миссис Кроу передал женщине за столом приёма, назвал адрес и попросил найти хозяйку. Женщина приклеила к пакету бумажную полоску. Поставила рядом с другими пакетами, подписанными разными почерками.

— Для нижнего квартала кто сейчас есть? — спросил он.

— Вам к Кэлу. В оранжевой куртке. Под навесом.

Кэл Мерсер оказался невысоким мужчиной с красными от недосыпа глазами. Он сидел на перевёрнутом ящике и менял батарейку в фонаре. Натан представился, объяснил про вход.

— Вы были внутри?

— Вчера нет. Лет пять назад осматривал перекрытие. Дом тот же, со стороны аллеи дверь выше уровня двора. На схеме подъезд нарисован с запада. Там лестница.

Кэл посмотрел на присланный план, задал ещё два вопроса и показал на место в машине.

— Едете до перекрёстка, покажете. Дальше сами посмотрим. Если участок закрыт или вода на проезде — не едем. Никаких ваших обходных дворами.

— Понял.

На перекрёстке Натан увидел автобус. Он стоял под фонарём пустой, с открытой передней дверью. Водитель разговаривал по телефону. Возле него женщина в халате поверх брюк держала две тканевые сумки.

Здание бывшего смотрителя было длинным, с пристройкой из светлого кирпича. В окнах первого этажа горел свет. Водосток у западной стены лил прямо на лестницу. Натан показал аллею, Кэл попросил водителя остановиться до поворота и вышел проверить путь пешком по сухому участку. Вернулся, сверился по рации, только после этого машина медленно проехала к боковому входу.

Во дворе стояла вода. Она пока не доходила до подъездной полосы, но в ней отражалось одно окно второго этажа. При каждом порыве ветра отражение распадалось. У ступенек ждал мужчина в тёмном свитере. Он держал складной зонт над человеком в коляске и сам мок с открытой головой.

— Наконец-то, — сказал он.

Кэл не стал спорить с этим словом. Представился, спросил имя женщины, прежде чем взяться за ручку коляски.

— Патриция Уэбб. Он Фрэнк. Я сама могу сказать, что мне нужно.

— Хорошо, Патриция. Можно подойти?

Она кивнула.

Натан остался за дверью. Под навесом было тесно. Из дома кто-то вынес ещё одну сумку и поставил возле его ботинка. Потом принесли пластиковую коробку с чашками. Он подвинулся, освобождая проход, и едва не наступил на тонкую чёрную трость.

— Это моё, — сказала женщина в халате. — Я соседка, Дороти. Не увозите её отдельно от меня, а то я потом не найду.

Натан поднял трость и передал ей. Рука у Дороти дрожала. Она взяла её не за рукоятку, а за середину, как палку, которую пока незачем использовать.

Кэл разговаривал с Патрицией. Оснащённая машина ещё ехала. Автобус пришёл раньше, но не подходил для её коляски. Водитель хотел дожидаться подтверждения, что Уэб-

бами занялись, и потому не ушёл сразу. Остальные пассажиры этого маршрута уже расселись в другой машине на соседней улице.

— Мы могли бы её перенести, — сказал Фрэнк. — Тут ребята есть.

Патриция отвернулась к окну.

— Я не хочу, чтобы меня опять брали под руки.

Фрэнк сжал ручку зонта.

— Я хочу, чтобы ты уехала.

Кэл спросил, где удобнее ждать до прибытия подходящей машины. Внутри у входа был сухой холл. Патриция согласилась вернуться туда. Мокрый зонт оставили снаружи, коляску вкатили обратно. Натан придержал дверь, помог Дороти переставить коробку и увидел на стене ряд отметок карандашом. Не вода — рост ребёнка. Над последней чёрточкой было написано «Томми, 2014».

— Здесь семья жила, — сказала Дороти. — Потом уехали, а её не покрасили. Дети же растут и дальше, чего стенку трогать.

Она сказала это почти весело. Потом посмотрела на часы и начала искать свою сумку, стоявшую у её ноги.

В холле пахло жареным хлебом и лекарственной мазью. На скамье возле почтовых ящиков лежали дождевики. Несколько жильцов уже ушли, оставив их тем, кто будет собираться позже. Фрэнк поправил один дождевик, сложил капюшон внутрь.

— Мы в шесть вчера звонили, — сказал он Натану.

— Я знаю, что вас ждали.

— Нет. Нас не ждали. Нам обещали обыкновенный автобус. Я объяснял, что не годится. Мне сказали, в карточке написано: передвигается с помощью сопровождающего. А я у неё сопровождающий. Я могу катить. В автобус я её на себе не внесу.

Он говорил негромко, чтобы Патриция не слышала. Она смотрела прямо перед собой, но на каждом слове мужа чуть двигала пальцем по ободу колеса.

Натан достал телефон, записал имя и кратко — что сообщил Фрэнк. Затем показал ему экран.

— Правильно?

Фрэнк прочёл. Добавил, что звонил не в шесть, а в пять сорок пять. В шесть ему перезвонили. Натан исправил.

Из рации Кэла донёсся голос. Тот отошёл к двери, ответил и вернулся с новым временем.

— Ещё двадцать минут. Машина подъезжает с севера. Мы остаёмся.

Патриция попросила дать ей сумку. В сумке лежали бутылка, бумажник, очки в жёстком футляре и маленькая деревянная дощечка. Она достала дощечку. Это оказалась незаконченная вышивка, туго натянутая на квадратную рамку. На ткани были зелёные листья и половина жёлтой птицы.

Натан уселся на подоконник напротив. На тумбочке возле почтовых ящиков стоял чайник. Фрэнк предложил налить,

потом вспомнил, что чашки уже в коробке.

— Я возьму, — сказал Натан.

Дороти велела брать с синей полоской, простые. Чашки с цветами могли не пережить ещё одно переключивание. Он развернул газету, в которую их завернули. В газете было старое объявление о наборе работников на склад. Синие чашки стояли в самом низу.

Фрэнк налил чай жене. Крышка пластиковой бутылки упала на пол. Он нагнулся за ней, слишком резко, и упёрся ладонью в стену. Патриция схватила его за рукав.

— Сядь.

— Я нормально.

— Сядь, Фрэнк.

Натан подвинул ему второй стул. Кэл спросил, нужна ли медицинская помощь. Фрэнк ответил, что пока нет, ему бы поесть. Дороти раскрыла одну сумку: сверху лежали четыре тоста в прозрачном контейнере. На одном уже оттаяла полоска масла.

Они поели в холле. Натан держал чашку двумя руками и чувствовал, как возвращается тепло в пальцы. На соседней улице завёлся автобус. Водитель подошёл попрощаться: ему подтвердили следующий рейс, ждать дальше смысла не было. Он спросил Патрицию, не нужно ли передать кому-нибудь вещи. Она попросила пока ничего не трогать.

Требуемая машина появилась через двадцать семь минут после последнего сообщения. Кэл сам вышел встретить её.

Водитель осмотрел место посадки, переставил машину, чтобы приблизить подъёмник к сухому участку у входа. Патриция следила за ним, положив обе ладони на колени. Фрэнк стоял рядом, уже готовый помогать, но пока ждал указаний.

Натан вынес сумки. Дождь стукнул по лицу холоднее, чем прежде. На краю двора плавал перевёрнутый цветочный горшок. Он ударялся о колесо старого велосипеда, привязанного к ограде. Вода у западной лестницы поднялась на нижнюю ступеньку.

Кэл жестом отвёл Натана от площадки подъёмника. Тот сделал шаг назад и задел локтем кирпичную стену. Боль оказалась неожиданно сильной. Пока он растирал локоть, водитель и Кэл проверили расположение коляски и крепления.

Патриция закрыла глаза, когда платформа поднялась. Открыла их только у дверного проёма. Фрэнк уже хотел войти следом, но его попросили подождать. Он послушался с таким лицом, словно у него попросили отдать что-то важное и не объяснили, когда вернут.

Дороти передала Натану коробку с чашками.

— Её можно оставить. Не помещается.

Он проверил свободное место вместе с водителем. Коробку взяли. Дороти посмотрела на неё и почему-то улыбнулась виновато.

Перед посадкой Фрэнк вернулся к двери. Достал ключ, попробовал закрыть замок. Заело. Он потряс ручку, вытащил ключ наполовину, снова вставил. Патриция ждала в ма-

шине.

— Мы можем закрыть, — предложил Натан.

— Я сам.

Замок сработал со второго раза. Фрэнк сунул ключ в карман, повернулся, потом опять подёргал дверь.

Натан не торопил.

Когда машина уехала, Кэл ещё раз отметил выезд и связался с пунктом приёма. Потом посмотрел на мокрый двор.

— Вы отсюда ездили через тоннель?

— Вчера нет. Мы шли сверху.

— Так и продолжайте. Самостоятельно вниз сегодня не спускаться. Понадобится — позвоним.

Он протянул Натану его телефон: тот оставил его на подоконнике возле чашки.

На экране было шесть пропущенных вызовов. Два от Мартина, один от Энн, три с незнакомого номера.

Пока Натан разбирался, как вернуться к своей машине, незнакомый номер позвонил снова. Голос представился сотрудником городской администрации. Готовили короткое обращение о положении в нижнем квартале. Просили подтвердить, что после обнаруженной ошибки ситуация под контролем и все нуждающиеся получили транспорт.

Натан смотрел на пустой проезд, где ещё блестели следы колёс оснащённой машины.

— Я могу подтвердить выезд семьи Уэбб и Дороти из этого дома, — сказал он. — Во сколько прибыли — ещё не знаю.

По остальным у меня нет полного ответа.

— Нам нужна общая оценка, мистер Рид.

— Тогда звоните в управление. Я общей не дам.

Он записал номер на обороте плана, чтобы не забыть, с кем говорил, и только после этого перезвонил Энн.

13. Что меняется за час

Лена заснула, слушая, как Нора разговаривает с человеком по фамилии Кинг.

Это были не Грейс и не её родственники. Мужчина никак не мог понять, почему его спрашивают о Ривер-стрит: он жил в другом конце округа и сейчас собирался на работу. Нора повторяла номер, извинялась, уточняла, давно ли у него этот телефон. Лена сидела с ручкой в руке. Следующее, что она услышала, было собственное имя.

— Не пиши, — сказала Нора.

Лена посмотрела вниз. Она вывела на строке другого человека слово «выехал». Откуда взяла его, не знала.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.